ДЕТЕКТИВНЫЙ ХОРРОР • ТРИЛЛЕР

ПРЕДЕЛ ТЕКУЧЕСТИ

СТАЛЬ ЛОМАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ СОЛГАЛ ЧЕРТЕЖ

СТАНИСЛАВ РУБИНОВ

Станислав Рубинов
Предел текучести

https://litres.ru/74774533
SelfPub; 2026

Аннотация

Шестеро незнакомцев в одинаковых цеховых комбинезонах приходят в себя внутри герметичного стального лабиринта, чьи отсеки перестраиваются на гидравлических салазках по минутному циклу. Здесь нет случайностей: каждая камера превращает законы сопромата, акустики, индукции и термодинамики в беспощадный испытательный стенд.

Система не прощает ни лишнего килограмма на плече коромысла, ни фальшивой марки сплава, ни ошибки в шаге левой резьбы. Единственный, кто способен разгадать логику смертельных узлов до сброса таймера, - простой слесарь-наладчик Максим Руднев, привыкший верить не бумажным отчетам, а искре на наждаке и памяти рабочих рук.

Расшифровывая выбитые на фланцах заводские клейма, Максим понимает: пленников собрали в одном чертеже не наугад. По ту сторону шлюзов скрывается расплата за давнюю аварию, в которой у каждого узника была своя тайная вина и своя цена молчания.

Содержание

Глава I. Шесть граней холода 5
Глава II. Клеймо на фланце 12
Глава III. Струнная клеть 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Предел текучести

Глава I. Шесть граней холода

Пробуждение началось с горького привкуса медного купороса на корне языка и острой рези в висках, словно в черепную коробку загнали литой клин.

Максим Руднев открыл глаза. Левая щека была прижата к студеному настилу, через плотную ткань робы в ребра упирался заклепочный шов с полукруглой головкой диаметром около двадцати миллиметров. Промышленная клепка горячей осадки. Руднев пошевелил пальцами. Огрубевшая кожа подушечек отозвалась знакомой шероховатостью: въевшаяся за двенадцать лет цеховой работы мелкодисперсная окалина намертво засела в папиллярных линиях. Он сделал глубокий вдох. Воздух был спертым, давящим, отдавал соляровым маслом, машинной смазкой марки «ВНИИ НП» и резким, колючим озоном, характерным для высоковольтных трансформаторов под нагрузкой.

Максим поднялся на одно колено и замер, контролируя равновесие. При росте в сто семьдесят два сантиметра и сухом весе ровно шестьдесят килограммов Руднев не походил на портового грузчика, но каждая мышца его сухощавого торса напоминала туго свитый трос. Пятьсот девяносто ньютонов тягового усилия в рывке на одну руку без опоры - норматив, который он подтверждал на каждом аттестационном стенде наладчиков шестого разряда по тяжелой гидравлике

и такелажу. Ладонь машинально коснулась лба, нащупав над правой бровью короткий плотный рубец - след оборвавшейся чалки на калийном комбинате. Живой.

Вокруг него в полумраке зашевелились остальные.

Слабый желтоватый свет пробивался из-за перфорированных решеток по верхнему периметру. Отсек представлял собой строгий куб размером ровно четыре на четыре метра. Шесть сплошных граней из толстолистового котельного проката, стянутых по углам толстыми неравнополочными уголками на мощных болтах. И на каждой из шести плоскостей, строго по геометрическому центру, темнел круглый клиновой люк диаметром около восьмидесяти сантиметров с литым трехлучевым штурвалом. По одному в полу, в потолке и на каждой из четырех переборок.

- Эй... Где выключатель?! - раздался ломкий голос слева.

Молодой парень, тощий, с бледным лицом и растрепанным русым ежиком волос, лихорадочно ощупывал себя. Серая хлопчатобумажная роба без карманов, без бирок, без металлических пуговиц - только жесткая липучка на груди. На правом запястье парня виднелась синяя татуировка розы ветров с угловатыми лучами. Он дергал рукава, часто и мелко дыша:

- Где мой телефон? Слышите, это статья! Незаконное лишение свободы! Вы хоть знаете, сколько стоит час простоя серверной в моем секторе?!

- Заткнись, парень. Без тебя тошно, - тяжко пророкотал

второй голос, грузный и властный.

С настила с кряхтением поднималась тяжеловесная фигура. Мужчине было под пятьдесят, плотный, грузный, весом никак не меньше центнера - килограммов девяносто восемь чистой массы. Багровое лицо покрывала густая сетка лопнувших капилляров, мясистый нос нависал над плотно сжатыми губами. В отличие от остальных, на ногах у него сохранились массивные темно-коричневые полуботинки из толстой юфти с тяжелыми стальными супинаторами, подошвы которых гулко цокали по металлу.

- Кто старший? - Мужчина окинул отсек хмурым, но цепким взглядом начальника треста, привыкшего открывать двери ударом носка. - Фамилии, должности. Кто устроил балаган? Если это проверка службы безопасности холдинга, передайте генеральному: отчет по четырнадцатому горизонту лежит на сервере, подписан и завизирован технадзором.

- Какой холдинг, дядя? - огрызнулся парень с татуировкой, вжимаясь спиной в угол между плитами. - Нас похитили! Я Денис Хромов, инженер АСУ ТП, я на подстанции дежурил! Вышел за сигаретами к шлагбауму - и все, хлороформ в лицо!

- Денис, перестаньте метаться, вы сжигаете кислород, - негромко, холодным тоном произнесла женщина, сидевшая у противоположной стены.

Ей было около сорока. Волосы убраны в строгий гладкий пучок, под глазами залегли темные тени, прямой тонкий нос

и жесткая складка возле губ выдавали привычку к безапелляционным решениям. При подъеме она оперлась на руку, поморщилась и прижала ладонь к правой щеке. Под подушечками пальцев тупо отозвался металл: литой несъемный зубной мост заныл от резкого удара о настил при падении.

- Сабурова Инга Вадимовна. Заведующая отделением токсикологии, - отрекомендовалась она, быстро прощупывая сонную артерию. - Пульс девяносто два, мидриаз умеренный. Нас выключили ингаляционным анестетиком короткого действия. Скорее всего, галотан или севофлуран. Никаких следов инъекций на локтевых сгибах нет.

Рядом тихо всхлипнула вторая женщина - молодая, не старше тридцати, с короткой стрижкой и испуганными глазами цвета болотной воды. Она нервно натягивала левый рукав робы на кисть, пряча старый бледный ожог каплевидной формы, обезобразивший предплечье до самого локтя.

- Вероника... - шепнула она пересохшими губами. - Ника. Фельдшер линейной бригады скорой. Я со смены шла... темно было на переулке...

Шестой пленник поднялся позже всех. Седой, сухощавый, слегка сутулый мужчина лет пятидесяти пяти аккуратно поправил круглые роговые очки с толстыми диоптрийными стеклами. Оправа чудом уцелела, зацепившись дужкой за воротник. Он спокойно протер стекла краем серых штанов, водрузил их на переносицу и оглядел замкнутый объем.

- Мальцев Олег Борисович, - сухо представился он с про-

токольными интонациями следователя на пенсии. - Паниковать не имеет процессуального смысла. Помещение герметично, естественная вентиляция отсутствует. Обратите внимание на стыки бронеплит: следов свежего монтажа нет. Этому объекту не меньше сорока лет. Военный бункер либо испытательный полигон глубокого заложения.

- Мне плевать, сколько ему лет! - рявкнул толстяк, наступая на Руднева. - Я Корсаков Глеб Аркадьевич, заместитель генерального директора по капитальному строительству! Открывай люк, живо! Ты же слесарь, по морде вижу!

Максим даже не повернул головы. Он сидел на корточках перед круглым лазом в северной переборке. Чуткие руки методично исследовали стык между прижимным фланцем и цилиндрической обечайкой шлюза. Зазор был идеальным, не больше трех десятых миллиметра, забит тонким слоем загустевшей вакуумной смазки. Металл не звенел от щелчка костяшкой: бронеплита толщиной не менее двадцати пяти миллиметров гасила импульс на корню.

- Не ори, Корсаков, - спокойно сказал Руднев. Голос звучал ровно, с уверенностью человека, привыкшего иметь дело с пятисоттонными прессами, а не с кабинетными чиновниками. - Ты своими супинаторами только гул поднимаешь. Здесь нет щеколд. Это клиновые штурвальные запоры с червячным редуктором. Три упора на сторону. Снаружи их заклинить невозможно.

- Так крути штурвал! - Дэн Хромов бросился к люку, схва-

тился за спицу и навалился всем весом. Штурвал не шелохнулся.

- Руки убери, - произнес Максим, перехватив кисть айтишника. Хватка наладчика оказалась железной: пальцы со следами въевшейся шлаковой пыли сжали руку, словно клещи. Дэн охнул и отдернул руку. - Прежде чем крутить маховик, глаза разуй. Посмотри на обечайку горловины.

Пленники сгрудились вокруг. На матовом металлическом кольце шлюза виднелось выбитое ручным пуансоном трехсоставное клеймо:

`235-24-05`

Цифры были нанесены заводским керном, глубоко, с характерным заусенцем на кромках. Максим шагнул к противоположной грани кессона, провел ладонью по фланцу южного люка. Там четко читалась другая строчка: `295-21-04`. На восточном стояло `390-18-01`, на западном - `440-14-06`, на потолочном - `345-12-02`.

- Шифры замков? - предположил Мальцев, щурясь сквозь линзы.

- Нет, - покачал головой Максим. - Это металлургическая маркировка опытной плавки. Так клеймят образцы на механических испытаниях перед разрушением. Первое число...

Он не договорил.

Глубоко под стальным настилом раздался утробный скрежет. Воздух в отсеке мгновенно уплотнился, ударив по ушам. Палуба под ногами дрогнула, просела на пару санти-

метров, а затем с мощным гидравлическим присвистом, будто включился плунжерный насос высокого давления, весь четырехметровый куб плавно сдвинулся по горизонтали.

Люди потеряли равновесие и повалились на металл. Корсаков с грохотом рухнул на четвереньки, выпучив глаза. Хромов взвизгнул, закрыв голову руками.

Через четыре секунды движение замерло. Многотонный гидрозамок защелкнулся снизу с коротким лязгом.

- Это не бункер, - выдохнул Максим, поднимаясь на ноги. Взгляд его скользнул по побледневшей Нике. - Это клеть шагающего матричного стенда. Отсеки двигаются на гидродомкратах по циклу. И мы только что встали в новый рабочий слот.

Глава II. Клеймо на фланце

Металлический звон гидрозамка еще вибрировал в переборках, когда Максим шагнул обратно к люку с заводской маркировкой `235-24-05`.

Воздух в замкнутом пространстве стал еще суше, с отчетливой гарью перегретого трансформаторного масла. Денис Хромов сидел на настиле, вжав голову в плечи, и машинально крутил на правом предплечье синюю татуировку розы ветров. Корсаков шумно дышал, уперев толстые кулаки в колени; его багровое лицо приобрело сероватый, землистый оттенок, но властный начальственный прищур никуда не делся.

- Объясняй, наладчик, - потребовал Корсаков, с усилием распрямляя грузную спину. - Что значат эти заводские цифры? Ты упомянул испытания на разрыв?

- Не просто сухие тесты, а механические свойства конструкционного проката, - ответил Максим, не отрывая взгляда от выбитых пуансоном меток. Он потер шершавым пальцем острый заусенец на цифре пять. - Первые три знака - предел текучести в мегапаскалях. Критическая величина нагрузки, после которой металл перестает пружинить упруго и начинает необратимо течь, словно разогретый пластилин. Двести тридцать пять мегапаскалей. Это рядовая углеродистая сталь марки Ст3сп. Самый мягкий, вязкий и податли-

вый из всех промышленных сплавов.

- А дальше? - быстро спросил Мальцев. Бывший следователь подошел вплотную, нервно поправляя роговую оправу очков. - Вторая и третья группы кернов?

- Двадцать четыре - относительное удлинение при разрыве в процентах, - продолжил Руднев. - Чем выше эта цифра, тем сильнее деталь способна растянуться перед тем, как окончательно лопнет. Двадцать четыре процента - внушительный запас пластичности. А ноль пять - категория ударной вязкости по ГОСТу. Способность сопротивляться динамическому удару при отрицательных температурах.

- Значит, этот створ безопаснее остальных? - с тихой надеждой спросила Ника, прижимая обожженную руку к груди. - Раз металл пластичный...

- В механике разрушения нет слова «безопасно», есть понятие «предельное состояние», - сухо отрезал Максим. - Но если сравнивать с потолочным люком на триста сорок пять мегапаскалей или западным на четыреста сорок, где удлинение всего четырнадцать процентов, эта переборка наименее жесткая. Здесь металл предупредит деформацией и скрежетом, прежде чем разорваться.

- Хватит пустой теории! - рявкнул Корсаков. - Крути штурвал, пока клеть снова не перебросило на домкратах!

Максим взялся за полированный трехлучевой штурвал. Ладони намертво обжали сталь спиц. Он напряг плечевой пояс, выставив правую ногу для жесткого упора. Мускулы

спины натянулись под серой х/б тканью. С сухим хрустом сорвалась задубевшая вакуумная смазка. Штурвал подался на четверть оборота, червячный редуктор сдавленно заурчал внутри обечайки, клиновые запорные сухари вышли из ответных пазов в косяке. Круглая бронедверь отошла наружу, открыв темный горизонтальный тамбур диаметром в метр.

Из темного зева потянуло затхлостью и кислым запахом отработанной пневматики.

- Я пойду первым, - сказал Максим. - Дистанция два метра. Под ноги смотреть предельно внимательно.

Он перевалился через высокий комингс и опустился на колени внутри цилиндрического переходного шлюза. Следом за ним, нервно сопя и скребя настил тканью робы, протиснулся Хромов. Затем осторожно вползли Ника и Сабурова. Корсаков протискивался с надрывным кряхтением, его грузная центнерная туша едва входила в створ, грубые полуботинки со стальными супинаторами со скрежетом пахали металл. Мальцев замыкал цепочку.

Шлюз вывел их в короткую квадратную галерею, перекрытую мощной стальной балкой.

- Стой! - Максим резко выставил локоть, осадив рванувшегося вперед Хромова.

Поперек прохода, в полутора метрах перед ними, в настил была врезана фрезерованная направляющая щель толщиной в ладонь. В пазу застыл толстостенный стальной клин пневмошибера - аварийной гильотины высокого давления со

срезанной под тридцать градусов кромкой. Нож уже сработал: клиновидное лезвие из инструментальной стали ушло в приемное гнездо пола на всю глубину хода штока. А под лезвием, намертво зажатая и перерубленная под идеальным прямым углом, чернела толстая рифленая подошва шахтерского сапога сорок третьего размера с обрезанным стальным подноском. Срез резины и капронового корда был зеркально гладким, будто пробит пуансоном штампа.

Хромов издал сдавленный визг и в ужасе отпрянул, отдавив ногу Сабуровой.

- Спокойно, - процедил сквозь зубы Максим, опускаясь на одно колено перед лезвием. - Нож сидит на нижнем механическом упоре. Двухсотмиллиметровый пневмоцилиндр отработал, золотник сбросил давление в атмосферу. Она разряжена. Тот, кто шел здесь до нас, оставил сапог.

- Не только его, - негромко произнес подошедший Мальцев, указав пальцем на темные, почти черные засохшие капли на заклепочном поясе переборки. - Следы артериального фонтана. Человеку оторвало передний отдел стопы.

Ника побледнела и прижала пальцы ко рту. Сабурова лишь прищурилась, ее лицо оставалось застывшей маской, хотя рука вновь коснулась правой щеки, где ныл потревоженный падением зубной мост.

Максим осторожно перешагнул через направляющий паз ножа. Сразу за рамой гильотины, на уровне груди, в броню был вварен толстостенный стальной цилиндр с бронзовой

табличкой и перфорированной мембраной электродинамического репродуктора.

Едва тяжелый полуботинок Корсакова с гулким ударом опустился на плиту за гильотиной, внутри цилиндра сухо щелкнуло реле времени.

Шуршание стальной звуковой проволоки на вращающемся барабане наполнило галерею мерным шелестом. Затем из перфорированной мембраны раздался механически искаженный, лишенный эмоций голос:

- Внимание смене. Три года назад на руднике «Северный-4» в камере четырнадцать-Б каждый из вас шестерых поставил свою подпись под чужой смертью. Семнадцать проходчиков остались на горизонте минус четыреста пятьдесят, когда вы запечатали аварийный штрек ради спасения центральной насосной станции комбината. Вы списали людей на внезапный горный удар и обрушение кровли. Государственная комиссия приняла фальшивые акты. Но сопромат не имеет срока давности. Здесь нет судей, нет прокуроров и нет адвокатов. Здесь каждый из вас пройдет индивидуальное испытание на предел текучести. Кто потечет под давлением - разрушится без остатка. Контрольное время пошло.

Щелчок соленоида оборвал трансляцию. В галерее повисла удушливая тишина.

Корсаков побагровел до черноты, вены на его бычьей шее надулись канатами:

- Провокация! Бредовая клевета профсоюзных экстреми-

стов! Четырнадцатая камера была затоплена метановым рассолом под давлением сорок атмосфер! Было прямое распоряжение совета директоров на консервацию крыла! Я действовал строго в границах отраслевого регламента ликвидации аварии!

- Вы приказали заблокировать автоматику вентиляции, Глеб Аркадьевич, - тихо, с леденящей отчетливостью произнес Денис Хромов. Голос айтишника сорвался на визг, его била мелкая дрожь. - Вы заставили меня переписать конфигурационный файл ПЛК! Я лично загрузил патч в контроллер, заглушивший датчики метана на четырнадцатом горизонте! Вы обещали повышение до начальника сектора АСУ!

- Заткнись, щенок! - взревел Корсаков, занося тяжелую ладонь, но Максим шагнул вперед и встал между ними в узком проходе.

Руднев не сделал угрожающего жеста, но его жесткий взгляд пригвоздил Корсакова к месту. Максим слишком хорошо помнил тот день. Он сам стоял у гидравлической маслостанции ствола, когда диспетчер зачитывал приказ перекрыть отсечные клинкеты, а Ника перевязывала ослепших от едкого дыма шахтеров на околоствольном дворе. Сабурова затем штамповала экспертные заключения о гибели от «хронической сердечной недостаточности», а следователь Мальцев лично отказал родственникам погибших в возбуждении уголовного дела, убрав протоколы изъятия контроллеров в несгораемый сейф.

Все шестеро были звеньями одной сгнившей цепи.

В этот миг за их спинами с оглушительным скрежетом захлопнулся круглый люк тамбура. Мощные запорные клинья со звоном вошли в пазы: обратный путь перестал существовать.

Одновременно впереди, в торце галереи, со свистом стравливаемого азота отошла тяжелая броневая плита следующего портала. На полированной обечайке открывшейся горловины тускло блеснули глубокие пуансонные цифры:

`590-05-03`

Максим шумно втянул воздух сквозь сжатые зубы.

- Пятьсот девяносто мегапаскалей, - произнес он тихо. - Предел текучести вырос почти в два с половиной раза. А удлинение - всего пять процентов.

- Переведи на русский, наладчик! - взмолился Хромов, хватаясь за голову.

- Мягкая зона закончилась, - ответил Максим. - Высоколегированная хромокремнистая сталь глубокой закалки. Она не способна пластично вытягиваться. Она не гнется, не течет и не предупреждает треском. Она копит упругую энергию до критической точки и разрывается мгновенным хрупким сколом. Впереди капкан без права на ошибку.

Глава III. Струнная клеть

Новое пространство за открывшимся шлюзом поражало своими масштабами: гигантский вертикальный кессон высотой не менее шести метров с квадратным основанием той же ширины.

Здесь царил полумрак, рассекаемый тусклым свечением люминесцентных ламп в защитных трубках из бронестекла, закрепленных под потолочными фермами. В воздухе стоял тонкий, звенящий свист, похожий на пение сотен комаров. Но это пели не насекомые. Весь объем колоссального отсека был насквозь прошит трехмерной паутиной натянутых металлических нитей.

Струны шли во всех направлениях - горизонтально, вертикально, по диагоналям, образуя сложнейшую пространственную решетку с ячейками разного размера, от сорока до семидесяти сантиметров. Единственный путь на противоположную сторону лежал по узким полкам двутавровых балок жесткости, опоясывавших периметр кессона на высоте трех метров, откуда вертикальный скобтрап спускался к нижнему эвакуационному люку в дальнем углу пола.

Максим остановился у входной горловины и опустился на корточки перед ближайшим настенным анкером.

К толстостенному стальному кронштейну крепился литой стальной стакан. Внутри корпуса виднелся пакет тарель-

чатых пружин конической формы, взведенных эксцентриковым кулачковым сбрасывателем до предельного сжатия. Тончайшая проволока толщиной всего восемь десятых миллиметра уходила от штока в глубь отсека. Металл струны отливал тусклым серо-стальным блеском с радужной побежалостью.

- Вольфрам-рениевый сплав ВР-двадцать, - негромко констатировал Максим, не прикасаясь к металлу. - Предел прочности при растяжении свыше трех тысяч мегапаскалей. При толщине меньше миллиметра режет кость и плоть, словно раскаленный нихром кусок масла. А вот здесь...

Он указал рукой на основание анкера. Там был вмонтирован цилиндрический бронзовый стаканчик с отходящей экранированной парой проводов.

- Пьезокерамический акселерометр ЦТС-девятнадцать, - произнес Руднев. - Титанат-цирконат свинца. Датчик динамической деформации и высокочастотных колебаний.

- Он реагирует на прикосновение? - хриплым шепотом спросил Корсаков. На лбу толстяка блестели крупные капли холодного пота.

- Внимательно слушайте физику процесса, - Максим обернулся к застывшим за его спиной людям. Голос наладчика звучал жестко, чеканя каждое слово. - Пьезоэлемент генерирует электрический потенциал только при динамическом воздействии - при резком механическом ударе, рывке нити или внезапном звуковом скачке. Если коснуться струны

плавно, без рывков и ускорения, возникающий электрический заряд успевает полностью стечь в землю через входное сопротивление шунта. Датчик останется слепым. Но если дернуть, ударить ногой по анкеру, споткнуться или закричать - фронт импульса превысит порог компаратора. Тиристор откроется, кулачковый сбрасыватель сорвется, и тарельчатые пружины мгновенно выберут ход. С усилием в несколько тонн на каждую нить. Нас здесь просто нашинкует на фарш.

Хромов сухо сглотнул, прижав кулаки к вискам:

- Я не полезу туда! Я не смогу! Это же цирк, акробатика!

- Пойдешь, - холодно оборвала его Сабурова, ее глаза сузились. - Или останешься здесь и сдохнешь, когда перекроется кислород.

- Идем по внешнему периметру, по нижней полке двутавра номер тридцать, - скомандовал Максим. - Ступни ставить вдоль балки, носок к пятке. Спиной скользить по бронеплите стены. Движения - как в воде. Никаких резких рывков. Никаких вздохов. Я иду первым, проверяю опоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.